

Г. И. Кукса

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОННОЙ СИЛЫ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Институт законной силы судебного решения берет начало в римском праве, в котором были сформулированы основные положения об общеобязательности, исключительности и преюдициальности. В доктрине гражданского процесса вопрос субъективных пределов законной силы судебных актов, принятых в общеисковом процессе и в рамках дела о банкротстве, не решен окончательно. По общему правилу, принятый в соответствии с требованиями закона судебный акт не порождает прав и обязанностей у лиц, не участвовавших в деле. Между тем действующая редакция Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» обязывает участников судебного разбирательства в рамках дела о банкротстве учитывать судебные акты, принятые по спору между должником и отдельными кредиторами до возбуждения банкротного разбирательства. ВАС РФ фактически установил еще один экстраординарный порядок обжалования судебных актов лиц, статус которых не тождествен статусу лиц, не привлеченных к участию в деле, и о правах и обязанностях которых принят обжалуемый судебный акт. Высшие судебные инстанции расширили пределы обязательности и преюдициальности по ряду иных категорий дел, рассматриваемых в общеисковом порядке. В науке высказываются доводы за дифференциацию содержания законной силы решения суда в зависимости от характера спора и условий вынесения этого решения.

Ключевые слова: законная сила судебного акта, общеобязательность, преюдициальность, банкротство

Для цитирования

Кукса Г. И. Некоторые аспекты проявления законной силы судебных актов в деле о банкротстве // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 62–74. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_62.

УДК 347.91/95

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_62

Описание проблемы

Вынесение судом решения должно приводить к разрешению материального спора между участниками судебного разбирательства [Энгельман 1912: 352]. Для обеспечения реализации этой цели действует институт законной силы судебного акта. Современное понимание законной силы судебного акта как набора различных юридических свойств окончательного судебного решения основывается на доктрине *res judicata*, сформулированной в римском праве [Рехтина 2013: 71]. В юридической науке встречаются разные мнения о соотношении института законной силы, общеправового принципа правовой

определенности и доктрины *res judicata*. Наиболее распространенная позиция связывает *res judicata* с такими свойствами законной силы, как неопровержимость и исключительность, обеспечивающими неприкосновенность и стабильность вынесенного решения [Загайнова 2008: 377]. Сама же законная сила как институт процессуального права косвенно взаимодействует с принципом правовой определенности, так как последний шире по содержанию [Терехов 2014: 209].

В судебной практике и доктрине встречаются упоминания еще об одной характеристике судебного решения – его относительности. В одном из «отказных» определений

ВАС РФ было указано, что относительность судебного решения означает возложение субъективных прав и обязанностей только на участников конкретного спора¹.

Проблему относительности судебного решения в рамках дела о банкротстве поднимает судья ВАС РФ в отставке Р. Т. Мифтахутдинов, который указывает, что «судебный акт по спору между должником и одним из кредиторов всегда относителен и не может быть противопоставлен другим кредиторам в случае банкротства должника». Следовательно, фактические обстоятельства, установленные судами в разбирательствах между отдельным кредитором и должником, должны быть подвергнуты ревизии в ходе проверки требования кредитора. Вопреки этому, действующая редакция Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) обязывает суд и участников обособленного спора учитывать судебный акт, принятый по спору между кредитором, претендующим на включение его требований в соответствующий реестр, и должником (абз. 2 п. 10 ст. 16). В таком случае неопределенный круг лиц обязан учитывать содержание добанкротного судебного акта², вынесенного без их участия, при наличии собственного материального интереса. В его резолютивной и мотивировочной частях не будут содержаться выводы о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле.

К. Л. Брановицкий и Е. Н. Сердитова отмечают, что конкурсные кредиторы являются новым субъектом обжалования судебных актов и не должны отождествляться с лицами, вступающими в арбитражный процесс в порядке ст. 42 АПК РФ [Брановицкий, Сердитова 2013]. По мнению Р. Т. Мифтахутдинова, такие судебные акты становятся «ограниченно относительными»: в случае возбуждения дела о банкротстве для них делается изъятие из общих правил о субъективных пределах законной силы (эти пределы расширяются) [Мифтахутдинов 2018: 106].

Суды подчеркивают, что данное положение Закона направлено на реализацию прин-

¹ Определение ВАС РФ от 9 декабря 2013 г. № ВАС-16856/13 по делу № А28-10148/2012.

² Здесь и далее имеется в виду судебное решение, принятое судом первой инстанции в общеисковом порядке до введения арбитражным судом процедуры конкурсного производства.

ципа обязательности судебного акта, вследствие чего законодатель установил, что требование кредитора, основанное на судебном акте, может быть подвергнуто изменению другим судом только при условии отмены (изменения) судебного акта либо исполнения судебного акта должником³.

Предложенный ВАС РФ экстраординарный порядок пересмотра «ограниченно относительных» судебных актов⁴ не столько продиктован стремлением пересмотреть существующие воззрения о законной силе судебного акта, сколько является реакцией на связанные с фиктивными судебными разбирательствами между должником и дружественными ему кредиторами злоупотребления, которые были описаны еще в дореволюционной доктрине Г. Ф. Шершеневичем [Шершеневич 1912: 352–354].

Проблему расширения субъективных пределов общеобязательности и преюдициальности, заложенную в ст. 16 Закона о банкротстве, можно решить путем ограничительного толкования указанного положения Закона посредством связывания законной силой судебных актов, принятых до возбуждения дела о банкротстве, только контролирующих должника лиц и участников, акционеров хозяйственных обществ, как это и было изначально предусмотрено в проекте постановления Пленума ВАС РФ № 35⁵.

Очень остро проблема определения прав на имущество должника вне рамок дела о банкротстве проявилась в делах о банкротстве застройщиков⁶.

Д. А. Жестовская проводит подробный анализ предусмотренных российским зако-

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 марта 2020 г. № Ф07-2332/2020 по делу № А56-38976/2019.

⁴ Пункт 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»; абз. 10 п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“».

⁵ Проект постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/31229FB6F472675009E1A6CD220AE2EF_proj_banrupt.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Савченко Д. Право собственности на долю в общей долевой собственности в виде квартиры // URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kak-likvidatsiya-vas-rf-otrazilas-na-sudebnoy-praktike> (дата обращения: 22.12.2022).

нодательством возможностей для опровержения совершенных должником порочных процессуальных и материальных действий (бездействия). Исследователь приходит к выводу о том, что указанный экстраординарный порядок обжалования судебных актов, принятых по результатам разрешения споров, в которых должник отказался вести активную процессуальную борьбу (например, заявляя о пропуске срока исковой давности, о зачете и т. д.) и / или в которых были представлены подложные доказательства, являет собой неполноценную попытку имплементации в российском правопорядке известного Древнему Риму Паулианова иска. Неудачный характер действующего в настоящий момент решения связан с неверным распределением споров по юрисдикции в нарушение исключительной территориальной подсудности банкротного разбирательства, а также с изначально заложенным неравенством в процессуальных возможностях апеллянтов, вынужденных начинать со «второго» этапа, апелляционной инстанции, в которой им объективно сложно ставить под сомнение уже вступивший в законную силу судебный акт [Жестовская 2022: 145–150].

Таким образом, наблюдается недостаток правового регулирования законной силы судебных актов в ходе проверки обоснованности требований конкурсных кредиторов. Находящийся на рассмотрении Государственной Думы РФ законопроект № 1172553-7¹ призван закрепить непосредственно в Законе уже сложившийся порядок пересмотра добанкротного судебного решения по новым открывшимся обстоятельствам. По сути, он представляет собой лишь юридическо-техническое улучшение действующего регулирования и не предлагает принципиально нового решения. Однако с 17 мая 2021 г., даты регистрации законопроекта в информационной системе Государственной Думы РФ, нет признаков того, что он будет рассмотрен и принят в ближайшей перспективе.

Вместе с тем не только текст Закона требует коррекции. Представляется, что корень проблемы заключается в доктрине российского гражданского процесса, в которой преобладает лишь одна концепция института законной силы судебного решения по гражданскому делу в виде набора различных

юридических свойств, и эта концепция не предусматривает их особого применения в зависимости от условий принятия судебного решения. Существующий подход не учитывает особенностей рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) в части как судебных актов, принимаемых в его рамках, так и воздействия законной силы добанкротных судебных решений на течение процедур несостоятельности.

Относительность законной силы судебного акта

Под «ограниченной относительностью судебного акта» понимаются расширение субъективных пределов судебного акта, вынесенного при участии должника в общеисковом порядке до признания его банкротом, и одновременно возникающая у участников банкротного разбирательства возможность оспаривать такой судебный акт в порядке апелляционного производства по правилам о вновь открывшихся обстоятельствах, если они полагают, что он ущемляет их права и законные интересы.

Однако нельзя категорично утверждать, что субъективные пределы законной силы добанкротного судебного решения были расширены, потому что конкурсные кредиторы и иные лица напрямую не подвергаются воздействию его законной силы в материальных правоотношениях. Скорее, речь идет о рефлексивном воздействии добанкротного судебного решения на течение процедуры банкротства (например, на соотношение голосов на собраниях кредиторов и пропорциональность распределения конкурсной массы). Вместе с тем наличие добанкротного решения у кредитора, претендующего на включение своих требований в реестр требований должника, почти безусловно ограничивает остальных участников разбирательства в возможности заявлять возражения по существу. Следовательно, в данном случае законная сила добанкротного решения проявляется напрямую и непосредственно, ограничивая процессуальные права иных участников банкротного разбирательства. На стадии проверки обоснованности требования кредитора вне зависимости от наличия подтверждающего требование судебного акта теперь допустимо только требовать признания требования подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты².

¹ Законопроект № 1172553-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 08.01.2023).

² Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства

В юридической науке признание чего-либо абсолютным или относительным в первую очередь связано с рассуждениями о природе субъективных материальных прав, а само деление устоялось после издания работы В. К. Райхера «Абсолютные и относительные права» [Райхер 1928: 273–306]. Как правило, об абсолютности говорят в контексте вещных прав, интеллектуальных прав, нематериальных благ, когда объем субъективных полномочий обладателя таких прав (благ) не зависит, по общему правилу, от иных участников гражданского оборота. Однако это деление небесспорно. Так, С. А. Сеницын последовательно доказывает, что абсолютные и относительные права представляют собой исключительно два больших класса субъективных гражданских прав, деление на которые обусловлено разными правовыми режимами их регулирования (цель, метод и специфика содержания), а не содержательным различием в объемах правомочия обладателя такого права [Сеницын 2016: 62]. С. И. Архипов, приводя в пример право собственности, тоже не согласен с указанным делением ввиду наличия установленных ограничений в правомочиях самого обладателя «абсолютных» прав и наличием у неопределенного круга лиц права требования ограничить «абсолютное» право, например путем установления сервитута, что уже ставит под сомнение использование такого понятия [Архипов 2010: 11–12].

Следовательно, деление субъективных гражданских прав на абсолютные и относительные в материальном праве подвергается сомнению. В том числе в связи с этим «механически» экстраполировать данные рассуждения на гражданский процесс для определения границ законной силы судебного решения, принимаемого по гражданскому делу, вряд ли возможно.

Об абсолютном характере решения можно говорить, только если в деле участвуют лица, которые не имеют юридического интереса в рассмотренном деле и связаны авторитетом судебного решения об установленных правах и обязанностях [Гражданский процесс 2001: 271–272]. Вместе с тем о том, что решения по искам о признании имеют абсолютный характер, заявляет Д. Б. Абушенко, обосновывая

требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц; утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.

вая это наличием широкого круга субъектов оборота, которые могут быть затронуты установленным судом субъективным правом (подтвержденным правоотношением) [Комментарий к АПК РФ 2021].

Высшие судебные инстанции уже расширили субъективные пределы законной силы судебных актов в спорах, в ходе которых разрешены вопросы об обладателях вещных прав¹, а также о действительности сделок и заключенности договоров². Рассматривающему последующий спор с иным составом участников судье в случае, если он придет к противоположным выводам о квалификации материального правоотношения, надлежит аргументировать, почему он отклонился от преюдициальных для него выводов, изложенных в ранее вынесенном судебном решении. Следовательно, в данном случае можно наблюдать «абсолютную» преюдицию, выступающую в качестве опровержимой доказательственной презумпции и определяющей правовую квалификацию правоотношения, обязательную для неопределенного круга лиц.

Определение относительности судебного акта в Законе не закреплено, не поднимается вопрос о нем и в курсе гражданского процесса как учебной дисциплины. Авторы учебников ограничиваются соответствующим указанием на субъективные пределы отдельных свойств законной силы [Гражданский процесс 2017; Гражданский процесс 2008; Гражданский процесс 2001].

Смежным по семантике к данному понятию выступает существительное «относимость», которое в свою очередь происходит от глагола «относить», имеющего множество значений: от абстрактных («включать в разряд определенных явлений, предметов, устанавливая связь данного явления или предмета с другими») до вполне конкретных («увлекать своим течением, движением и т. п., отдаляя от чего-либо»). Н. Н. Тарасов указывает, что юридическая терминология первоначально

¹ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

² Абзац 3 п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств».

может иметь источником слова, обозначающие факты и явления из обычной жизни; далее эти слова становятся абстрактными и переходят в область идеального. Вместе с тем источниками юридической терминологии могут быть термины других наук, которые либо переосмысляются юриспруденцией (например, «аффект»), либо берутся ей «в оборот» без внесения корректив в первоначальный смысл (например, специальная научная терминология в судебных экспертизах) [Тарасов 2023: 136–141]. В таком случае можно сказать, что понятие «относительность» сконструировано с использованием первого способа создания юридического термина, так как не приходится применять рецепцию, например, термина, обозначающего принцип относительности Эйнштейна, или других положений из физики.

Наука отечественного гражданского процесса не признает наличия у итогового судебного акта такой самостоятельной характеристики (свойства) законной силы, как относительность

Примером использования указанного понятия в науке гражданского процесса служит институт доказательств. Поскольку доказательство должно содержать «сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств дела» (ст. 64 АПК РФ, ст. 55 ГПК РФ), то оно будет считаться относимым только в случае, если такие факты входят в предмет доказывания и, как правило, носят материально-правовой характер [Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве 2021: 472].

Можно сделать вывод, что наука отечественного гражданского процесса не признает наличия у итогового судебного акта такой самостоятельной характеристики (свойства) законной силы, как относительность. Дискуссии по описанной проблематике сводятся к определению субъективных пределов общеобязательности и преюдициальности законной силы, а «относительность судебного решения» упоминается в контексте их расширения, когда судебное решение начинает оказывать непосредственное правовое воздействие на лиц, не являющихся участниками разбирательства, но при этом затрагивается

их собственный материальный интерес (в отличие, например, от государственных органов и иных лиц, не участвующих в разбирательстве, но обязанных содействовать исполнению судебного акта ввиду указания закона).

Особенности проявления законной силы судебных актов в рамках дела о банкротстве

До принятия соответствующих разъяснений судебной практики по спорам, связанным с требованиями контролирующих должника и аффилированных с ним лиц показательно, как суды в одном из дел именно со ссылкой на принцип банкротного специалитета, указанный в абз. 3 п. 29 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35, отказали во включении в реестр требования, сформулированного группой лиц, объединенных общим (единым) экономическим интересом¹. Примечательно, что у кредитора имелся вступивший в законную силу акт суда общей юрисдикции, подтверждающий его требование. При этом до его вынесения и до возбуждения обсуждаемого дела о банкротстве данные требования кредитора, основанные на той же задолженности, были признаны необоснованными по мотивам мнимости и внутрикорпоративного характера в деле о банкротстве другого участника той же корпоративной группы. Именно данная «конкуренция» судебных актов и послужила причиной для преодоления п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве.

Стоит подчеркнуть, что вышеупомянутое положение Закона о банкротстве, предусматривающее распространение общеобязательности и преюдициальности судебного акта на лиц, не участвовавших при его вынесении, резко контрастирует с классическими доктринальными представлениями об общеобязательности законной силы судебного акта.

Современное понимание законной силы судебного акта не претерпело значительных изменений со времен работ дореволюционных классиков гражданского процесса. Если решение вступило в законную силу, то оно постановлено раз и навсегда, так что разрешенное судом дело ни стороны, ни их правопреемники снова возбудить не могут, и вступившее в законную силу решение действует для них как специальный закон [Энгельман 1912: 364]. Т. М. Яблочков утверждал, что «качественно воля суда не отличается от воли

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 декабря 2019 г. № А50-23227/2018.

законодателя: суд лишь конкретизирует в своем решении (*lex specialis*) то, что закон выражает в абстрактной норме (*lex generalis*). Поэтому не волю суда исполняет ответчик, а волю объективного права. Отсюда следует, что не приказ, содержащийся в судебном решении, составляет неотъемлемую сущность решения, а суждение суда как компетентного органа власти о праве» [Яблочков 1910: 216].

Основная проблема на пути к расширению субъективных пределов сводится к тому, что судебное решение может не соответствовать материальной истине. В связи с этим действует институт обжалования и пересмотра судебного решения [Мальшев 1876: 434]. Являясь продуктом судебного разбирательства, «суждением компетентного органа о праве», решение суда может основываться на известных нам презумпциях и допущениях, например, на презумпции выполнения работ в случае немотивированного уклонения заказчика от их приемки.

Распространение законной силы судебного решения, состоявшегося в состязательном процессе, на иных сторон, кроме тяжущихся, несправедливо, так как здесь суд не стремится установить объективную истину (в отличие от уголовного судопроизводства), а стороны по гражданскому делу могут небрежно относиться к доказыванию [Миловидов 1875: 107–108]. Исключение предусмотрено для «переживания» законной силы судебного решения в части вещей и обязательств, в отношении которых состоялись судебные разбирательства при последующей смене правообладателя / стороны обязательства [Мальшев 1876: 443–444]. Причина тому – последующие лица, которые заполучили такую вещь или заменили собой сторону обязательства, не имели в момент судебного разбирательства юридического интереса в его исходе.

Дореволюционное российское процессуальное законодательство не предусматривало однозначного правила регулирования вопросов преюдиции. Прямое указание закона касалось только резолютивной части решения, которое и образовывало *res judicata*. Мотивы и соображения суда были необходимы лишь постольку, поскольку с даты вынесения решения в полном объеме исчислялись сроки обжалования, истечение которых означало вступление решения в законную силу [Цитович 1887: 77].

Так, И. Е. Энгельман указывал, что практика Сената исходила из надления свойством преюдициальности только тех выводов, которые одновременно носят объективный характер и неразрывно связаны с резолютивной частью [Энгельман 1912: 368]. Это позволяло отсечь субъективные оценки, данные судом поведению сторон, и попутное сказанное в решении.

Т. М. Яблочков утверждал, что сама по себе возможность пересматривать судебные акты ввиду несоответствия содержания судебного решения материальной истине допускает признание за ним только формальной истины. С ней, тем не менее, стороны могут быть согласны или в любом случае будут обязаны считаться после исчерпания средств обжалования, так как «судья возглашает в своем решении норму *in concreto*, долженствующую определить правоотношение между сторонами». Такая квалификация правоотношения уже является законной силой, которая состоит из отдельных свойств [Яблочков 1910: 254]. Однако отдельного свойства преюдициальности Т. М. Яблочков не выделял.

П. Н. Мацкевич отмечает, что на данном этапе наукой гражданского процесса преюдиция отрицалась ввиду ее противоречия принципу состязательности, а в нормативном регулировании были предусмотрены лишь ее зачатки в форме запрета на рассмотрение вопросов, которые должны были быть разрешены в отдельном производстве: право на конкретное наследуемое имущество не могло быть разрешено без разбирательства по выяснению надлежащих наследников. Переход к социалистическому государству и критика предыдущего правопорядка значительно способствовали закреплению правил о преюдиции в их современном понимании [Мацкевич 2020: 30].

Советскому гражданскому процессу был присущ так называемый принцип объективной истины, который в корне отличался от принципа состязательности. «Принцип объективной истины представляет собой положение, в силу которого движение процесса должно идти в направлении использования всех процессуальных средств для достоверного, а в случае невозможности или предусмотренной законом нецелесообразности – вероятного установления всех фактов, необходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела», – так определял его

содержание С. В. Курьлев [Курьлев 2012: 483].

Н. Б. Зейдер видел в юридических презумпциях волю советского народа, выражавшуюся в нормативных актах, исходящих от органов государственного управления, в судебных решениях. Отдельное указание на формальную или относительную истину судебного решения, как и выделение презумпции истинности, излишне, так как сам авторитет (законная сила) решения основан на непогрешимости изложенных в нем фактов и данной им правовой оценке [Зейдер 1966: 112].

Общеобязательность раскрывалась советскими правоведами через императив государственной власти социалистического государства в качестве продолжения воли трудящихся. М. А. Гурвич полагал, что субъективные границы общеобязательности определяются субъектами материального правоотношения, составляющего предмет исследования суда. Судебное решение не может создать ограничения для сторонних лиц, не привлеченных к участию в деле, не участвующих в материальном правоотношении [Гурвич 1955: 118].

В таких условиях усиление значения преюдициальности с целью повышения авторитета судебного решения выглядит закономерным процессом. Показательно, как М. А. Гурвич описывал значение преюдициальности в советском гражданском процессе. Он использовал термины «предрешение», «предрешающее значение». Предрешение защищает установленные факты и правоотношения от пересмотра, в результате чего обеспечиваются прочность и стабильность советского закона, а суды в свою очередь избавлены от лишней работы (процессуальная экономия). Публичный интерес превалирует над частным, а интересы самих же сторон спора защищаются попутно [Там же: 126]. Однако в такой властной императивной парадигме неясно, как суд должен поступать в каждом конкретном деле и решать простые практические задачи. Должен ли судья попытаться отыскать все судебные акты, возможно, принятые с участием спорящих сторон? Как ему поступить, если стороны не считают ранее установленные факты и правоотношения преюдициальными?

В современной науке гражданского процесса нет однозначного консенсуса об объеме преюдициальности, о том, включаются

ли в него правовые соображения суда. Высказываются мнения, что в Российской Федерации в настоящий момент данное свойство законной силы выступает в качестве опровержимой доказательственной презумпции, поскольку допустимо существование двух разных правовых квалификаций одного и того же фактологического состава. В контексте дела о банкротстве это привело к тому, что судам было позволено, не умаляя авторитета уже вынесенного решения (по спору между должником и кредиторами в добанкротный период), отказывать во включении в реестр требования должника при установлении его корпоративного характера¹. Данный подход был скорректирован после опубликования Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц.

Согласно позиции А. М. Безрукова, «объективные пределы преюдициальной связи судебных актов – это юридические факты и правоотношения, устанавливаемые судом». Однако автор сразу делает верную оговорку о том, что используемый в процессуальных кодексах термин «обстоятельства» позволяет максимально расширять содержание преюдициальности [Безруков 2007: 31]. На уровне высших судебных инстанций устоялось толкование, ограничивающее преюдицию в классическом понимании исключительно фактологическим составом, а данную судом правовую квалификацию переводящее в категорию опровержимой доказательственной презумпции². Следовательно, в делах о банкротстве после начала применения упомянутого Обзора судебной практики произошла унификация с общеисковым производством применения преюдициальных обстоятельств, установленных добанкротным решением, в части правовой квалификации требования кредитора.

Обращение к римским первоисточникам не дает однозначного ответа на вопрос о выборе надлежащей модели регулирования

¹ Семикина Е. А. «Мучительная агония преюдициции» в гражданском процессе // Адвокатская газ. 2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/muchitelnaya-agoniya-preyuditsii-v-grazhdanskom-protseesse/> (дата обращения: 22.02.2022).

² Определение Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 2528-О; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июля 2011 г. № 3318/11 по делу № А40-11672/09-113-880.

преюдициальных обстоятельств. Правовое явление, обозначаемое латинским словом *praeiudicium*, не включалось в *exceptio rei iudicata* и не гарантировало освобождения от доказывания при совпадении субъектного состава участников судебного разбирательства, а означало лишь «мнение» авторитетного источника фактов, которое судья, рассматривающий дело, *может* учесть при вынесении решения [Кофанов 2012: 5–14].

М. З. Шварц отмечает, что законная сила судебного акта всегда относительна, и ее объем должен дифференцироваться в зависимости от условий вынесения акта и реализуемых при этом требований к законности [Шварц 2009]. В одном из своих решений Конституционный Суд РФ абстрактно, без указания конкретного вида судопроизводства, допустил установление законодателем разных пределов действия преюдициальности, которые могут объективно отличаться, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства¹.

К иному определению субъективных и объективных пределов законной силы судебных актов, принятых в рамках дела о банкротстве, а также иному учету в ходе банкротного разбирательства судебных актов, принятых до его возбуждения, нас может подтолкнуть проявление следующих черт в делах данной категории.

Во-первых, публично-правовой характер производства по делам о несостоятельности (банкротстве). Это особенность проявляется при судебной защите больших групп лиц в групповом производстве [Ярков, Долганичев 2020: 119] и административном производстве [Бурмистрова 2020: 69]. Однако лица, участвующие в деле о банкротстве, имеют разные, зачастую диаметрально противоположные интересы². Банкротство имело публичные основы и в дореволюционном законодательстве. Так, согласно ст. 501 Устава судопроизводства торгового Российской империи «никто не может быть признан в несостоятельности, нежели она объявлена судом» [Свод законов Российской империи 1887: 92].

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 1898-О.

² Постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П, от 19 декабря 2005 г. № 12-П.

Именно судебной власти принадлежит прерогатива контроля за общественными отношениями, складывающимися из-за неспособности должника исполнять обязательства в полном объеме ввиду недостаточности имущества для их исполнения.

Во-вторых, более активная роль суда по сравнению с общеисковым процессом [Свириденко 2010: 133; Борисенкова 2005], что выражается в необходимости более тщательно проверять обоснованность требований кредиторов и не применять презумпцию признания фактов и доводов при отсутствии возражений³.

В-третьих, применение дифференцированных стандартов доказывания: как повышенных (ясные и убедительные доказательства, «вне всяких разумных сомнений»), так и более льготных (*prima facie*) [Справочник по доказыванию в арбитражном процессе 2021: 27].

Положения Закона о банкротстве расширяют субъективные пределы судебных актов, принятых до возбуждения дела о банкротстве. Дополнительно суды стремятся сохранить наличие законной силы у судебных актов, которыми по существу разрешен материально-правовой вопрос в рамках дела о банкротстве во временной плоскости. В случае прекращения производства по всему делу о банкротстве и возбуждения последующих процедур законная сила, за исключением свойства исполнимости, сохраняется для следующих определений арбитражного суда, разрешающих по существу следующие материально-правовые вопросы: действительность сделок должника⁴, привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника⁵; обоснованность требований кредиторов⁶, в том числе и при отказе кредитора от своего требования⁷.

Научная дискуссия о том, является ли решение суда юридическим фактом, и о пределах воздействия законной силы судебного

³ Пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-9344 по делу № А40-179868/2016.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 1 сентября 2021 г. № 301-ЭС20-18311 (2) по делу № А43-41965/2017.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 9 марта 2016 г. № 303-ЭС15-16010 по делу № А51-29511/2014.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 305-ЭС19-21315 по делу № А40-58702/2018.

решения на материальные правоотношения, возникшие после его вынесения, выглядит схоластической, когда это касается несостоятельности. Отстранение органов управления юридического лица, наложение ограничений на совершение сделок должника, ограничение на участие в государственной закупочной деятельности¹, прекращение договора агентирования – это неполный перечень материально-правовых последствий, возникающих вследствие объявления должника банкротом. Безусловно, приведенные примеры касаются только решения о признании банкротом. Конкретно данная часть разбирательства по делу о несостоятельности соответствует признакам особого производства [Попондопуло, Слепченко 2004: 52], в отличие от остальных обособленных споров, которые более соответствуют общеисковому производству [Зуева 2005: 42].

В делах о несостоятельности (банкротстве) решения судов (не только само решение арбитражного суда о признании банкротом, но и определения, которыми разрешен материально-правовой вопрос в рамках обособленных споров, а также добанкротные судебные решения) начинают приобретать все более абсолютный характер.

Краткие выводы

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующие предпосылки к дифференцированию законной силы судебных актов в гражданском процессе, которое помогло бы разрешить проблему учета выводов добанкротного решения в деле о банкротстве:

¹ Подпункт 3 п. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

1) за последний век понимание института законной силы в доктрине гражданского процесса не претерпело значительных изменений, за исключением свойства преюдициальности, которое отрицалось в дореволюционной доктрине. В современный период высказываются аргументированные предложения о дифференцировании законной силы судебного решения в зависимости от характера судебного разбирательства;

2) действующие разъяснения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда по отдельным категориям споров, рассматриваемых в общеисковом процессе, сводятся к расширению субъективных пределов законной силы судебных актов. Конституционный Суд тоже давал разъяснения абстрактного свойства в поддержку такого подхода, но отдал разрешение этого вопроса законодателю. В Законе о банкротстве уже закреплено положение о распространении свойств обязательности и преюдициальности на лиц, не участвовавших при рассмотрении спора в общеисковом порядке в добанкротный период;

3) положениям Закона о банкротстве было дано толкование, предусматривающее соблюдение процессуальных гарантий права на обжалование добанкротного судебного акта, которое имеется у участников дела о банкротстве, а также учет его выводов с возможностью применения положений Закона о банкротстве, устанавливающих последствия, связанные с участием в уставном капитале юридических лиц. Представляется, что используемый механизм не до конца решает задачи по проверке обоснованности требования кредиторов и смещает баланс интересов в пользу тех кредиторов, кто «успел» провести разбирательства в общеисковом процессе до признания должника банкротом.

Список литературы

- Архипов С. И. Правоотношение собственности: теоретический анализ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2010. № 1. С. 7–24.
- Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. М.: Волтерс Клувер, 2007. 144 с.
- Борисенкова Т. В. Три российских закона о банкротстве: баланс частных и публичных интересов // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9. С. 19–25.
- Бурмистрова С. А. Система основных производств по защите публично-правовых интересов: какой ей быть // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 66–83.
- Брановицкий К. Л., Сердитова Е. Н. О появлении новой категории субъектов в арбитражном процессе, обладающих правом на обжалование судебных актов при наличии производства о несостоятельности (банкротстве) должника // Вестник ФАС Уральского округа. 2013. № 2. С. 38–50.

- Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. 544 с.
- Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2017. 720 с.
- Гражданский процесс: учеб. / под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова. М.: Инфра-М, 2008. 448 с.
- Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. М.: Центр. тип. МО СССР, 1955. 128 с.
- Жестовская Д. А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве: к единой модели «Паулианова опровержения» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 1. С. 133–165.
- Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 485 с.
- Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 192 с.
- Зуева И. В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ФАС Западно-Сибирского округа. 2005. № 2. С. 45.
- Комментарий к АПК РФ (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2020. 1071 с.
- Кофанов Л. Л. К интерпретации понятия *graeiudicium* в римском праве // Вестник НГУ. Сер. Право. 2012. Т. 8. № 1. С. 5–14.
- Курьлев С. В. Избранные труды. Мн.: Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2012. 607 с.
- Мальшев К. И. Курс гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. 454 с.
- Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с.
- Миловидов Н. А. Законная сила судебных решений по делам гражданским. Ярославль: Тип. губ. правл., 1875. 135 с.
- Мифтахутдинов Р. Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4. С. 104–125.
- Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 344 с.
- Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Л., 1928. Вып. 1 (XXV). С. 273–306.
- Рехтина И. В. Истоки принципа правовой определенности (*res iudicata*) в законодательстве Древнего Рима // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 27. С. 43–47.
- Свириденко О. М. Концепция несостоятельности (банкротства) в РФ: методология и реализация: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 416 с.
- Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. СПб.: Гос. тип., 1887. 837 с.
- Синицын С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 55–62.
- Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Норма, 2021. 472 с.
- Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 218 с.
- Терехов В. В. Понятие и содержание категории «*Res Iudicata*» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203–209.
- Цитович П. П. Гражданский процесс. Киев: Типолит. И. Н. Кушнерева и К°, 1887. 132 с.
- Шварц М. З. К вопросу о пределах обязательности вступивших в законную силу судебных актов (комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 14.10.2008 № 7920/08) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 3. С. 84–97.
- Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. СПб.: Тип. т-ва печ. и издат. дела «Труд», 1912. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. 453 с.

Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 646 с.

Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоизд-во И. К. Гассанова, 1910. 260 с.

Ярков В. В., Долганичев В. В. Групповые иски: сравнительный анализ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 118–133.

Глеб Игоревич Кукса – аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kuksa869@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-2916-8101

Some Aspects of the Validity of Judicial Acts in a Bankruptcy Case

The institution of the validity of a judicial decision originates in Roman law, where the basic provisions on general obligation, exclusivity and prejudice were formed. In the doctrine of civil procedure, the issue of the subjective limits of the validity of judicial acts adopted in the general legal procedure and in the framework of a bankruptcy case is not resolved definitively. As a general rule, a judicial act adopted in accordance with the requirements of the law does not give rise to rights and obligations for persons who did not participate in the case. Meanwhile, the current version of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» obliges participants in the bankruptcy proceedings to take into account judicial acts adopted in a dispute between the debtor and individual creditors before initiating bankruptcy proceedings. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation has actually established another extraordinary procedure for appealing judicial acts of persons whose status is not identical to persons who are not involved in the case, whose rights and obligations are determined by the appealed judicial act. Higher judicial instances have expanded the limits of mandatory and prejudicial in a number of other categories of cases considered in a general legal manner. Some scholars are in favor for differentiating the content of the validity of a court decision depending on the nature of the dispute and the conditions for issuance of the decision.

Keywords: legal force of a judicial act, obligatory nature, prejudice, bankruptcy

Recommended citation

Kuksa G. I. Nekotorye aspekty proyavleniya zakonnoi sily sudebnykh aktov v dele o bankrotstve [Some Aspects of the Validity of Judicial Acts in a Bankruptcy Case], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 62–74, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_62.

References

Arkhipov S. I. Pravootnoshenie sobstvennosti: teoreticheskii analiz [Legal Relationship of Ownership: Theoretical Analysis], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2010, no. 1, pp. 7–24.

Bezrukov A. M. *Preyuditsial'naya svyaz' sudebnykh aktov* [The Preliminary Connection of Judicial Acts], Moscow, Wolters Kluver, 2007, 144 p.

Borisenkova T. V. Tri rossiiskikh zakona o bankrotstve: balans chastnykh i publichnykh interesov [Three Russian Bankruptcy Laws: Balancing Private and Public Interests], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2005, no. 9, pp. 19–25.

Branovitskii K. L., Serditova E. N. O poyavlenii novoi kategorii sub"ektov v arbitrazhnom protsesse, obladayushchikh pravom na obzhalovanie sudebnykh aktov pri nalichii proizvodstva o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) dolzhnika [On the Emergence of a New Category of Entities in the Arbitration Process that have the Right to Appeal Judicial Acts in the Presence of Proceedings on the Insolvency (Bankruptcy) of the Debtor], *Vestnik FAS Ural'skogo okruga*, 2013, no. 2, pp. 38–50.

Burmistrova S. A. Sistema osnovnykh proizvodstv po zashchite publichno-pravovykh interesov: kakoi ei byt' [The System of Main Proceedings for the Protection of Public Legal Interests: What Should She be Like], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2020, no. 6, pp. 66–83.

Engel'man I. E. *Kurs russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Russian Civil Litigation Course], Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1912, 646 p.

Gurvich M. A. *Reshenie sovetskogo suda v iskovom proizvodstve* [The Decision of the Soviet Court in the Claim Proceedings], Moscow, Tsentr. tip. MO SSSR, 1955, 128 p.

Kofanov L. L. K interpretatsii ponyatiya praeiudicium v rimskom prave [On the Interpretation of the Concept of Praeiudicium in Roman Law], *Vestnik NGU. Ser. Pravo*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 5–14.

Kovalenko A. G., Mokhov A. A. (eds.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Infra-M, 2008, 448 p.

Kurylev S. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Minsk, Redaktsiya zhurn. «Promyshlennotorgovoe pravo», 2012, 607 p.

Malyshev K. I., *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Litigation], Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1876, vol. 1, 454 p.

Matskevich P. N. *Preyuditsiya v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Prejudice in Civil and Administrative Proceedings], Moscow, Statut, 2020, 239 p.

Miftakhutdinov R. T. Ogranichennaya otnositel'nost' sudebnogo akta pri bankrotstve: kak dobrosovestnym kreditoram zashchitit'sya ot neobosnovannogo trebovaniya, podtverzhdennogo sudebnym aktom [Limited Relativity of a Judicial Act in Bankruptcy: How Can Bona Fide Creditors Protect Themselves from an Unreasonable Claim Confirmed by a Judicial Act], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*, 2018, no. 4, pp. 104–125.

Milovidov N. A. *Zakonnaya sila sudebnykh reshenii po delam grazhdanskim* [Legal Force of Judgments in Civil Cases], Yaroslavl', Tip. gub. pravl., 1875, 135 p.

Musin V. A., Chechina N. A., Chechot D. M. (eds.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, PBOYuL Grizhenko, 2001, 544 p.

Popondopulo V. F., Slepchenko E. V. *Proizvodstvo po delam o bankrotstve v arbitrazhnom sude* [Bankruptcy Proceedings in the Arbitration Court], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 344 p.

Raikher V. K. Absolyutnye i otnositel'nye prava (K probleme deleniya khozyaistvennykh prav) [Absolute and Relative Rights (On the Problem of Division of Economic Rights)], *Izvestiya ekonomicheskogo fakul'teta Leningradskogo politekhnicheskogo instituta*, Leningrad, 1928, vol. 1 (XXV), pp. 273–306.

Rekhtina I. V. Istoki printsipa pravovoi opredelennosti (res iudicata) v zakonodatel'stve Drevnego Rima [The Origins of the Principle of Legal Certainty (Res Iudicata) in the Legislation of Ancient Rome], *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii*, 2013, no. 27, pp. 43–47.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Handbook of Evidence in Civil Litigation], Moscow, Norma, 2021, 472 p.

Shershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava* [Commercial Law Course], Saint Petersburg, Tip. t-va pech. i izdat. dela «Trud», 1912, vol. IV, 453 p.

Shvarts M. Z. K voprosu o predelakh obyazatel'nosti vstupivshikh v zakonnuyu silu sudebnykh aktov (kommentarii k postanovleniyu Prezidiuma VAS RF ot 14.10.2008 № 7920/08) [On the Question of the Limits of Binding Judicial Acts that have Entered into Legal Force (Commentary to the Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 14, 2008 no. 7920/08)], *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2009, no. 3, pp. 84–97.

Sinitsyn S. A. Absolyutnye i otnositel'nye sub'ektivnye grazhdanskoe prava: problemy teorii [Absolute and Relative Subjective Civil Rights: Problems of Theory], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 2, pp. 55–62.

Sviridenko O. M. *Kontseptsiya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v RF: metodologiya i realizatsiya* [The Concept of Insolvency (Bankruptcy) in the Russian Federation: Methodology and Implementation]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2010, 416 p.

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii [The Code of Laws of the Russian Empire], Saint Petersburg, Gos. tip., 1887, vol. 11, pt. 2, 837 p.

Tarasov N. N. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: metodologicheskie problemy yurisprudentsii* [History and Methodology of Legal Science: Methodological Problems of Jurisprudence], Moscow, Yurait, 2023, 218 p.

Terekhov V. V. Ponyatie i sodержanie kategorii «Res Judicata» v rossiiskom i zarubezhnom grazhdanskom protsesse [The Concept and Content of the Category «Res Judicata» in Russian and Foreign Civil Proceedings], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 5, pp. 203–209.

Treushnikov M. K. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2014, 481 p.

Tsitovich P. P. *Grazhdanskii protsess* [Civil Litigation], Kiev, Tipo-lit. I. N. Kushnereva i K^o, 1887, 132 p.

Yablochkov T. M. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Litigation], Yaroslavl', Knigoizd-vo I. K. Gassanova, 1910, 260 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2017, 720 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Kommentarii k APK RF (postateinyi)* [Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article)], Moscow, Statut, 2020, 1071 p.

Yarkov V. V., Dolganichev V. V. Gruppovye iski: sravnitel'nyi analiz [Class Actions: Comparative Analysis], *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2020, no. 1, pp. 118–133.

Zagainova S. K. *Sudebnye akty v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Judicial Acts in Civil and Arbitration Proceedings: Theoretical and Applied Problems]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2008, 485 p.

Zeider N. B. *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [Judgment in a Civil Case], Moscow, Yurid. lit., 1966, 192 p.

Zhestovskaya D. A. Protivopostavimost' sudebnykh aktov v bankrotstve: k edinoi modeli «Paulianova oproverzheniya» [Opposability of Judicial Acts in Bankruptcy: Towards a Unified Model of «Paulian Refutation»], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2022, no. 1, pp. 133–165.

Zueva I. V. Sudoproizvodstvo po delam o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Proceedings in Cases of Insolvency (Bankruptcy)], *Vestnik FAS Zapadno-Sibirskogo okruga*, 2005, no. 2, p. 45.

Gleb Kuksa – postgraduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kuksa869@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-2916-8101

Дата поступления в редакцию / Received: 15.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 13.02.2023